

Въ большой тревогѣ расхаживалъ батюшка взадъ и впередъ по своимъ убогимъ апартаментамъ и поминутно подходилъ къ окну, чтобы взглянуть на небо. Онъ все еще надѣялся, что авось гроза скоро пролетитъ и погода разведрится, но скоро убѣдился, что надежды его совсѣмъ неосновательны. Дождь разыгрывался все пуще и пуще, по улицѣ неслись шумные потоки воды, громъ грохоталъ, не переставая. Батюшка съ грустью барабанилъ пальцами по стеклу и снова принимался совершать свою молчаливую прогулку по комнатамъ. Досада его возрастала, какъ у каждаго человѣка, который еще задолго рассчитывалъ провести день извѣстнымъ образомъ, все рассчитать, расположить—и вдругъ всѣ планы его неожиданно рушатся...

— Эка бѣда! Эка бѣда!—повторялъ батюшка шопотомъ.— Весь день испорченъ... Зюзя, а Зюзя!—обратился онъ къ своему неизмѣнному сожителю, который сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ за какими-то вѣдомостями.—Какъ ты думаешь: можетъ еще разведриться?

— Не разведрится!—мрачно отозвался знаменитый толкователь Апокалипсиса.— Вѣдь я еще давеча вамъ говорилъ, что ненастье будетъ, и не малое. Вороны дюже суетились, и опять же реполовъ воду крыломъ чертилъ.

— Скверно!—сказалъ батюшка со вздохомъ и снова подошелъ къ окну.

Дождь все еще лилъ. Но сквозь его густую сѣть батюшка все-таки замѣтилъ какой-то тяжелый, неуклюжій экипажъ, тащившійся по улицѣ со стороны большой дороги. Лошади, изсѣченные дождемъ, который хлесталъ имъ прямо въ глаза и остѣплялъ ихъ, едва перебирали ногами; ямщикъ тщетно подхлестывалъ ихъ кнутомъ, стараясь принимать какъ можно смѣлѣе осанки; онѣ спотыкались и чуть не падали на каждомъ шагу. Наконецъ, и онъ, очевидно, потерялъ всякую бодрость и безпомощно скрючился на своемъ сидѣннѣ, завернувъ на голову полъ сѣраго зипуна. Съ огромнаго парусиннаго зонта, защищавшаго пассажира, лились цѣлые водопады мутно-пѣнистой воды. Батюшка заинтересовался положеніемъ несчастныхъ путниковъ и внимательно слѣдилъ за ихъ медленнымъ теченіемъ по селу.

— Кто бы это могъ быть?—думалъ онъ вслухъ.—Ба-ба! Да это вѣдь непременно къ Антону Кирилычу сынокъ ѣдетъ изъ Петербурга! Вѣрно, вѣрно!—повторилъ повеселѣвшій батюшка, обрадованный неожиданно представившимся развлеченіемъ.—Онъ, больше некому! Они его ждали на этой недѣлѣ. Вонъ они повернули... остановились... Конечно, онъ! Такъ и есть...